

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

САКИ ПАМИРА

Археологические памятники Памира еще очень слабо изучены. Наиболее полные сводки данных письменных источников принадлежат русским ученым — И. Минаеву¹ и Н. Аристову². Археологические обследования Памира О. Олуфсена³ и А. Стайна⁴ познакомили науку с отдельными крепостями Западного Памира, преимущественно по Вахану (Ка'ахка, Замр-аташ-и-параст и др.). На Восточном Памире и даже в Алае А. Стайн не усмотрел памятников древности и поспешил сделать заключение о необитаемости этой территории в далеком прошлом. Крайне противоположной точки зрения придерживался Э. Герцфельд, который на карте к одной из своих работ отнес «страну Давань», т. е. древнюю Фергану, с ее субтропическим климатом и флорой, чуть ли не в район горного узла Гармо⁵.

Археологические обследования Памира мы начали в 1946 г. и с перерывами продолжали до 1952 г.⁶

В результате скромных по масштабу работ удалось выявить некоторый археологический материал, позволяющий дать характеристику древнейших обитателей Восточного Памира. В настоящей статье мы касаемся одной группы памятников — сакской⁷.

Восточный Памир представляет собой высокогорную пустыню с моренным ландшафтом. Относительно ровные долины окаймлены многочисленными хребтами и прорезаны многоводными реками. По берегам этих рек низкорослая, но обильная и весьма питательная растительность, являющаяся превосходным кормом для скота. В пустынных местах растет терескен, служащий отличным топливом. Леса на Восточном Памире

¹ И. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

² Н. Аристов, Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям, «Русский антропологический журнал», 1900, вып. 3; 1901, вып. 2, 3-4; 1902, вып. 1, 2, 3; 1903, вып. 1; 1904, вып. 1, 2, 3-4.

³ O. O l u f s e n, Through the Unknown Pamirs, The second Danish Pamir Expedition, 1898—99, L., 1904; ср. о н ж е, The Empire of Bokhara and his Country, Copenhagen, 1911.

⁴ A. S t e i n, Innermost Asia, Oxf., 1928, т. II, гл. XXV; т. III, тб. 45—49; о н ж е, Serindia, Oxf., 1921, т. I, разделы I и II; ср. о н ж е, An ancient Central Asian Track, L., 1933; о н ж е Ancient Khotan, L., 1907, т. I.

⁵ E. H e r z f e l d, Sakastan, AMJ, т. IV, вып. 1-2, В., 1931, стр. 21 сл.

⁶ См. наши предварительные информации: ВЛУ, 1947, № 12; 1948, № 11; КСИИМК, XXVII, XXVIII; ВДИ, 1949, № 3; «Эпиграфика Востока», вып. III и др.

⁷ О памятниках более позднего времени см. А. Б е р н ш т а м, Историко-археологические очерки Центрального Тяньшана и Памиро-Алая, МИА, 26, особенно III часть. Сакские памятники Памира VI—IV вв. до н. э.—древнейшие их тех, которые пока здесь открыты.

сейчас почти нет, хотя, как предполагают исследователи, граница леса (арча, облениха) в древности была несравненно выше, чем сейчас, и доходила до высоты 3600—4000 м над уровнем моря.

Маршрутами 1946—1948 и 1952 гг. нам удалось охватить все основные урочища Восточного Памира. Общий вывод, который был сделан на основании уже первого ознакомления с местностью, подтвержденный впоследствии, заключался в том, что северная часть Восточного Памира, от перевала Кызарт до истоков р. Акбайтала, была в древности необитаема. Трудно полагать, чтобы этот район в меридиональном направлении мог быть использован как постоянная трасса торговых путей и перекочевков со стадами.

«Центр» жизни Восточного Памира был южнее, и его северной границей была р. Пшарт (правый приток Акбайтала). Но и здесь долина Пшарта, берега Аксу-Мургаба были сравнительно слабо обжиты, о чем говорят только единичные курганы.

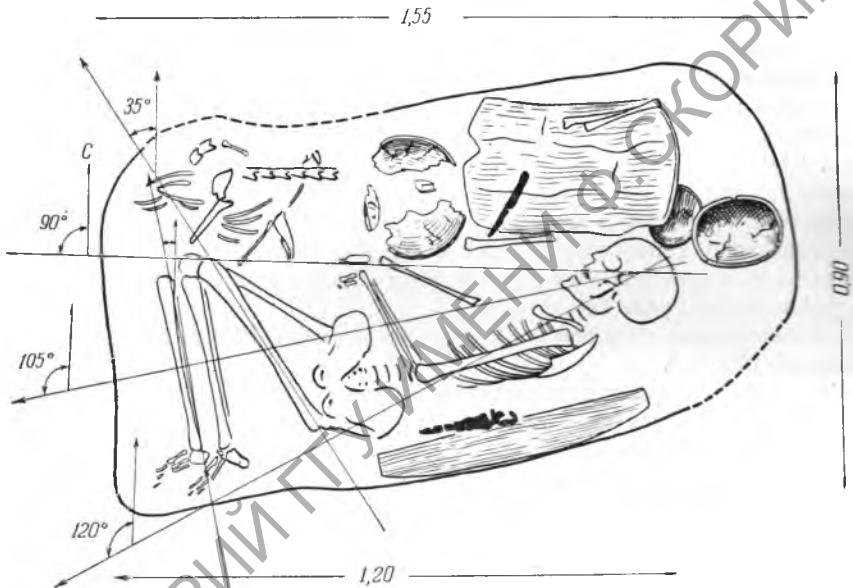

Рис. 1. Тип Тамдынского погребения

В этих районах преобладали сезонные кочевки пастухов-скотоводов. Резко меняется картина в еще более южных районах, северная граница которых проходит примерно в районе урочища Тохтамыш, при впадении р. Истыка в р. Аксу. Здесь увеличивается количество курганов, которые в южной части Восточного Памира составляют группы в несколько десятков курганов в каждой. Таковы могильник Тамды на правом берегу р. Памира, целиком нами раскопанный (18 курганов), или, особенно, могильник Акбеит на правом берегу р. Аксу в урочище Кызыл-Рават, где удалось зарегистрировать свыше 60 курганов и девять из них раскопать. Отдельные курганы интересующего нас времени были раскопаны и в других местах — в Тугурак-Бамане (Аксу), Пшарте, Харгуше (р. Памир).

Как правило, курганы — неграбленные, и поэтому они дали весьма важный материал для предварительной постановки некоторых проблем древней истории Восточного Памира. Наземные сооружения могил интересующего нас времени сделаны из камня, среди них различается несколько типов. Это 1) сплошные каменные насыпи с диаметром кургана от 3—4 до 10 м, при высоте от 0,1 до 0,8 м, в которых часто прослеживаются внешний и внутренний кромлехи; 2) круглые или овальные кольца, обычно с диаметром до 3 м; 3) прямоугольные выкладки размером 2 × 5 м, иногда с менгирами, и

наконец, 4) относимые нами к этому времени дольменообразные сооружения с диаметром до 1 м при высоте до 0,8 м. В первых трех типах были обнаружены труположения, в четвертом типе были вскрыты только следы кострища.

Несмотря на значительное сходство насыпей первого и второго типов погребений в разных местах Памира, могильники Тамды и Харгуш значительно отличаются по

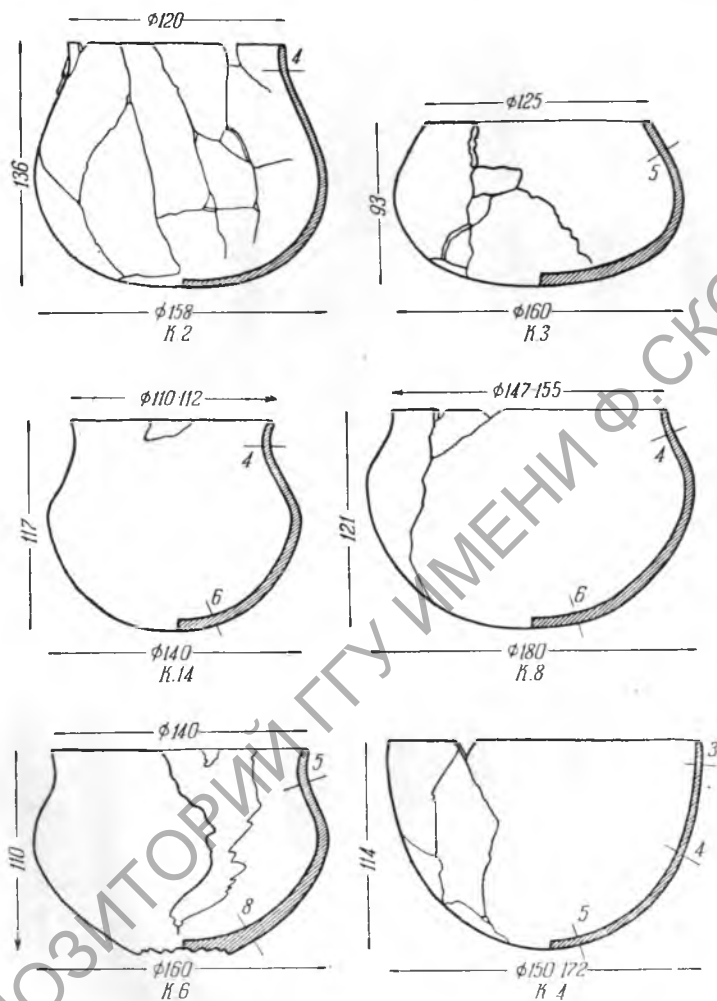

Рис. 2. Керамика из могильника Тамды

погребальному ритуалу и комплексам инвентаря от могильника Акбеит. Кроме того, в Тамды и Харгуше, да и в других местах, мы не встречали третьего типа захоронений (прямоугольные выкладки), который представлен только в Акбеите.

Приведем суммарные характеристики погребений по Тамды и Акбеиту.

В Тамдынской группе под каменными насыпями и кольцами оказались труположения покойников в скорченном положении, головой на восток или запад, но лицом, как правило, к реке (р. Памир; рис. 1). Под насыпями оказались мужские, под кольцами — женские и детские погребения. Могильная яма — прямоугольная, неглубокая (до 1, чаще до 0,8 м), выита в гравийно-галечном грунте и перекрыта поперек тонкими плашками из арчи. При женских костяках бедный и однообразный инвентарь: глиняная посуда в виде котелков с полусферическим дном, следами затирки — лощения темно-коричневого цвета, без орнамента, иногда со слегка отогнутой и утончающейся закрай-

ной (рис. 2), бусы из сверленного алмазом сердолика (очевидно, индийского происхождения), пасты, стеатита, оникса, ляпис-лазури, бронзы и т. д., преимущественно цилиндрических форм, и железные витые браслеты на руках.

Значительно разнообразнее инвентарь в мужских погребениях. Здесь были обнаружены следующие предметы вооружения: колчан со стрелами с разнообразными

Рис. 3. Типы наконечников стрел из могильника Тамды из одного колчана

наконечниками — деревянными (из гималайского кедра), бронзовыми, костяными и железными (рис. 3). Разнообразны акинаки и ножи, причем акинаки найдены только железные, а ножи — бронзовый и железные (рис. 4). Многочисленны бронзовые украшения, различных геометрических очертаний (рис. 5). Из других предметов отметим полусферическую бронзовую чашу, деревянную посуду, обрывки шерстяной ткани, изделия

в виде лукошка из лыка. В одной могиле около покойника были обнаружены 72 альчика¹.

В расовом отношении вся группа однообразна и относится к передневосточному, средиземноморскому типу².

Весь комплекс находок в могильнике Тамды позволяет отнести открытые памятники к V—IV вв. до н. э. Могильник Харгуш мы относим к более позднему времени — III—II вв. до н. э.³

Вероятно близким по времени, но своеобразным по погребальному ритуалу и инвентарю является комплекс Акбейт на надпойменной террасе правого берега р. Аку. В неглубокой, обширной, скорей подквадратной, яме одиночные или парные

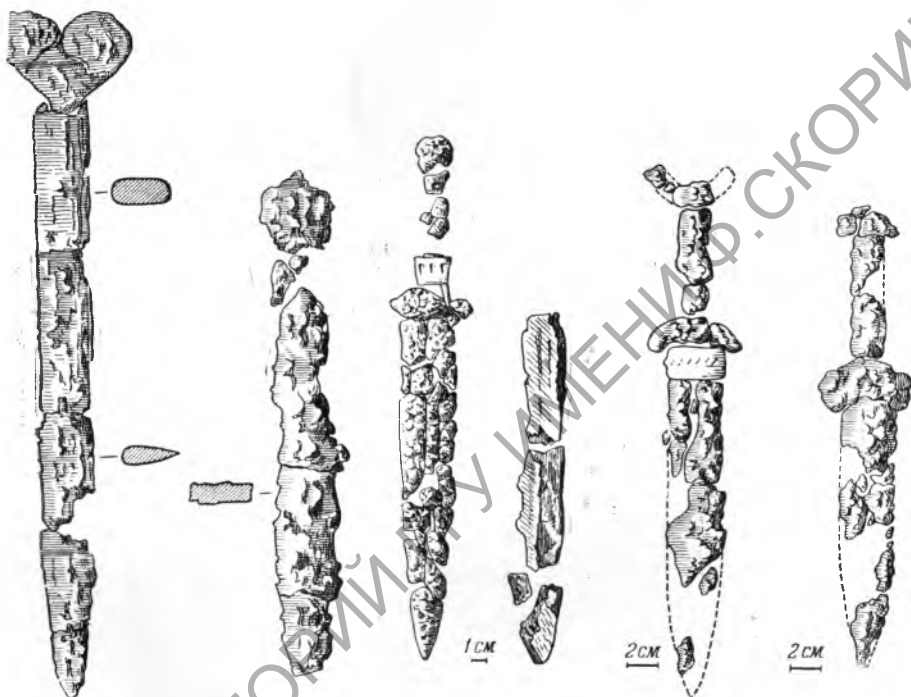

Рис. 4. Акинатики и ножи из могильника Тамды. Железо

захоронения (в Тамды только одиночные), и не только в скорченном, но и в сидячем положении. Некоторые погребения перекрыты тонкими плашками из арчи, в других случаях боевым щитом (рис. 6). Чрезвычайно характерно, что поверх перекрытия часто клалось вооружение: клевец, меч, нож, острием направленный от покойника (рис 7). Покойники лежат на левом или правом боку, головой на восток, лицом на север или юг, но не на реку. Перед лицом покойника, как правило, стояли бронзовая плоскодонная чаша (часть из них с омфалом)(рис. 7; внизу справа) и деревянная чаша-тарелка

¹ Коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже. См. путеводитель по выставке «Культура и искусство народов Средней Азии VI в. до н. э. — середины XIX в.», М, 1952, стр. 6—8.

² Все антропологические определения принадлежат В. В. Гинзбургу, который систематически обрабатывает наши сборы антропологического материала; см. его статью в КСИЭ, вып. XI, стр. 83 сл.

³ Развернутую аргументацию датировок и описания найденных коллекций см. МИА, 26, ч. III, стр. 275 сл.

с остатками пищи (кости барана). Чашу покойник как бы поддерживал руками. (рис. 6). Обильны находки украшений из бронзы и вооружения из железа (рис. 7 и 8).

Вооружение представлено железным оружием в виде кельца-топора с железной рукоятью, тяжелыми палашами, ножами, акинаками длиной в 35 (см. рис. 9). Наконечников стрел в Акбейте не было найдено ни одного.

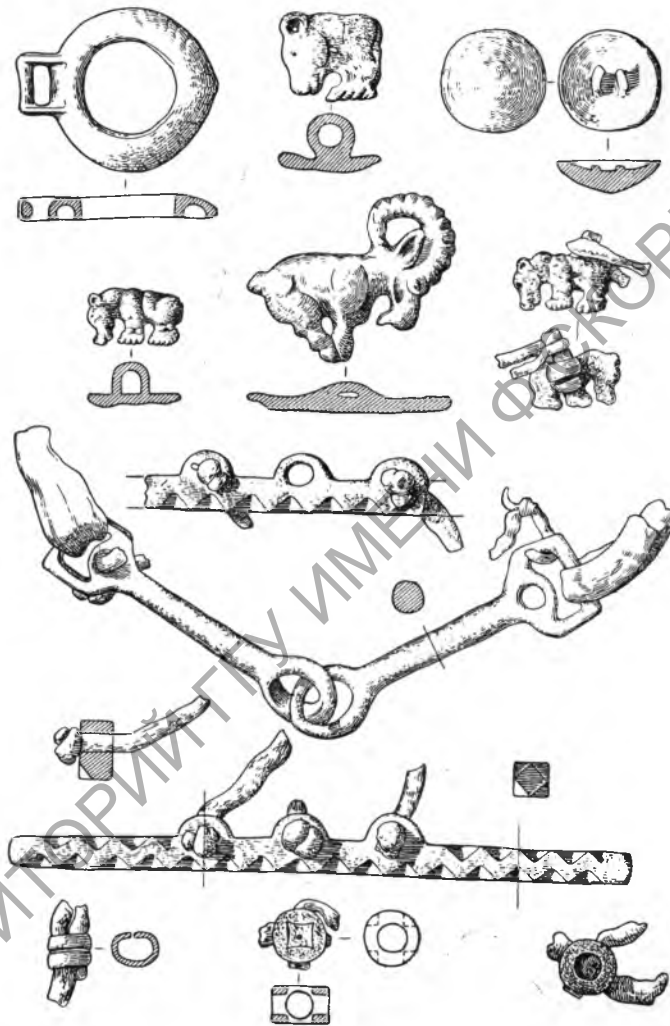

Рис. 5. Удила, украшения и другие изделия из бронзы из могильника Тамды

Весьма любопытна находка щита в одном из погребений. Он представлял собой прямоугольную раму, размером $1,40 \times 0,5$ м, из арчевых плашек с шестью поперечными. Срединные две были сближены для крепления рукоятки. Остальное пространство было заполнено плетением из прутьев облепиhi. Щит был обтянут кожей (рис. 6).

Многочисленны предметы украшений из бронзы на одежде. Одежда была шерстяная, кожаная и войлочная. Кожа и шерсть окрашивались в красный цвет. Для крепления ремней употреблялись бронзовые бляхи-кнопки и сворки. На поясе подвешивались шитые сухожилиями кожаные мешочки с шерстяной отделкой, украшенные бронзовыми поделками в виде схематически выполненных ажурных украшений, состоящих из колец, и изображения головки птицы.

В области пояса были обнаружены подвески, тоже ажурные с головками драконов и птиц. Одна пряжка представляла собой изображение лягушки, другая бегущего оленя, голова которого далеко запрокинута назад (рис. 8).

Особый интерес представляет рукоять одного акинака. Рукоять бронзовая, литая, состоит из трех частей. Перекрестие из двух полулуниц, подобно перекрестиям аки-

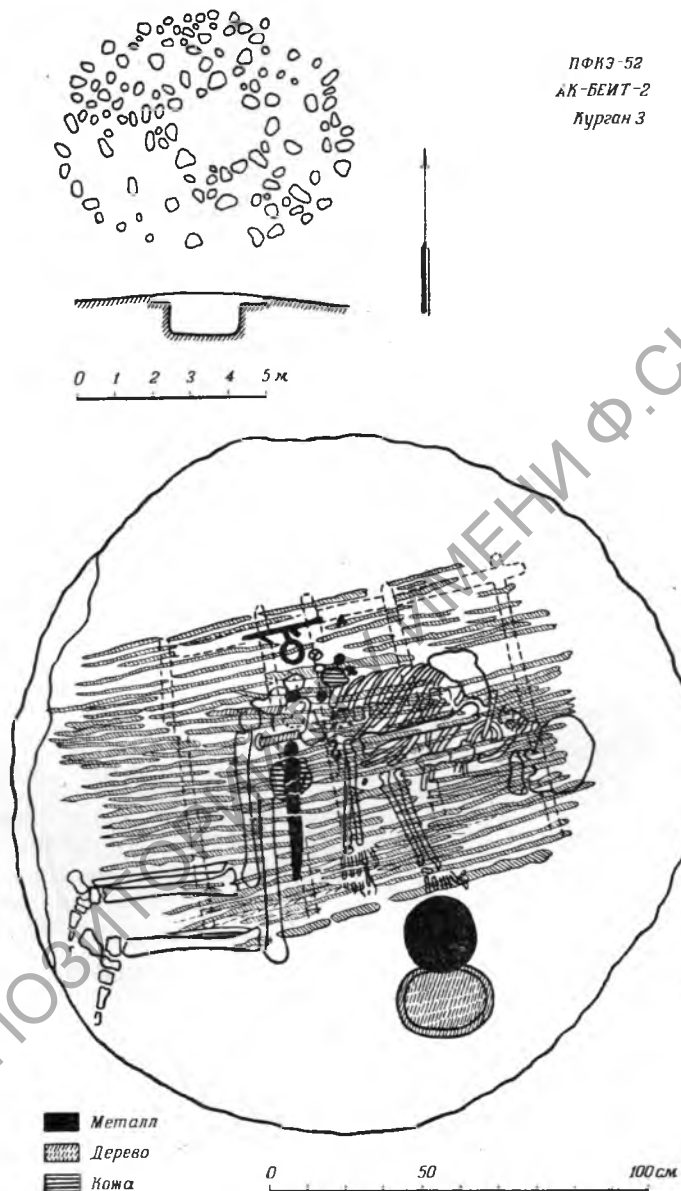

Рис. 6. Тип захоронения в могильнике Акбейт

наков из Мельгуновского клада или Чертомлыка. Рукоять украшена двумя рядами голов горного козла, расположенных по три в ряду, симметрично по обеим сторонам рукояти, и разделенных двумя параллельными рядами зерна. Морды козлов трактованы крупными штрихами, глаза даны в виде глубокой круглой впадины, рога ребристые. Венчает рукоять изображение бегущего козла с запрокинутыми назад рогами. Эти три части довольно грубо собраны, особенно отчетливо это видно в нижней части,

где морды козлов наполовину прикрыты перекрестием, сделанным весьма примитивно (рис. 9).

Находки в Акбеите своеобразны, многим вещам трудно найти прямые аналогии, особенно ажурным подвескам. Композиционно они напоминают «эксцентричные» украшения, подобные украшениям в позднелуристанской бронзе, стилистически от

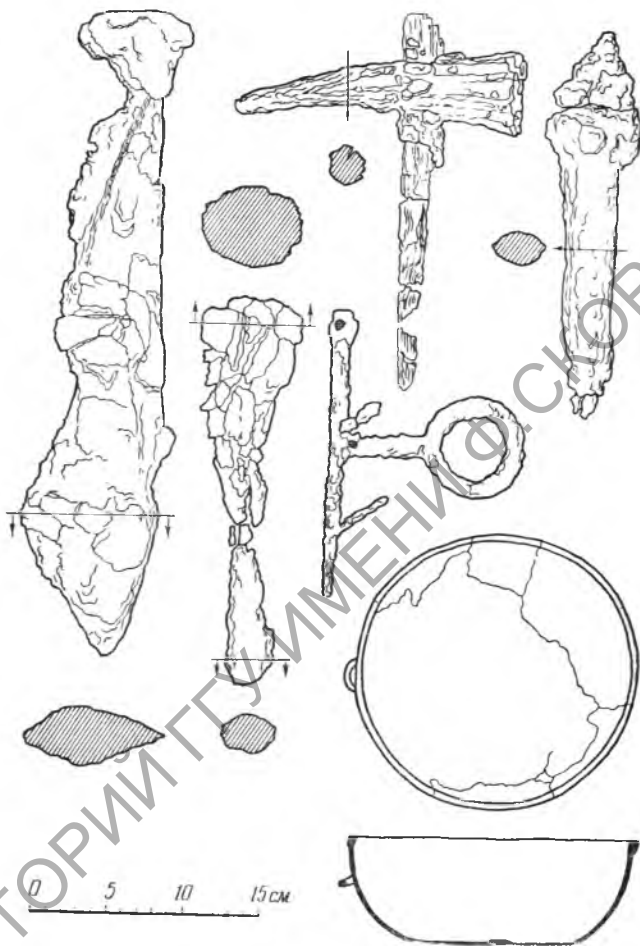

Рис. 7. Вооружение и другие находки из могильника Акбеит. Оружие из железа. Чаши — бронза

них отличаются. Относительно больше аналогий в ордосской бронзе. Некоторые аналогии ажурным подвескам и особенно мордам козлов можно найти в публикациях находок из Ордоса. Китайскому влиянию, быть может, обязано появление среди украшений изображения лягушки.

В целом, однако, комплекс из Акбеита весьма своеобразен и восходит к какому-то центру, лежащему за пределами и Переднего Востока и Ордоса. Вместе с тем трудно полагать, что племена, оставившие нам эти вещи, извечно обитали на Памире и здесь только сложилась эта культура. Мы полагаем, что основные районы этих племен лежали за пределами Памира, в областях, тяготеющих к Тянь-Шаню и отрогам хребтов, окаймляющих с севера, запада и юга Восточный Туркестан. К сожалению, это только предположение, так как в Восточном Туркестане памятники древних кочевников совершенно не изучены.

Однако именно в этих районах обитали племена, сакские по своему происхождению и тесно связанные с тибетскими. Это указывает на возможность вести поиски их куль-

турного центра на юго-востоке от Намира. Но сначала остановимся на датировке акбеитского комплекса в сопоставлении его с другим памирским могильником — Тамды.

Могильник Тамды (1949 г.) представил, как мы указали, весьма однообразную систему кладки насыпей и закономерную систему ориентировки. При анализе находок в могильнике Тамды основные аналогии и даже идентичные параллели в подавляющем большинстве показали тесные связи «тамдинцев» с культурой тяньшанских и южносибирских племен.

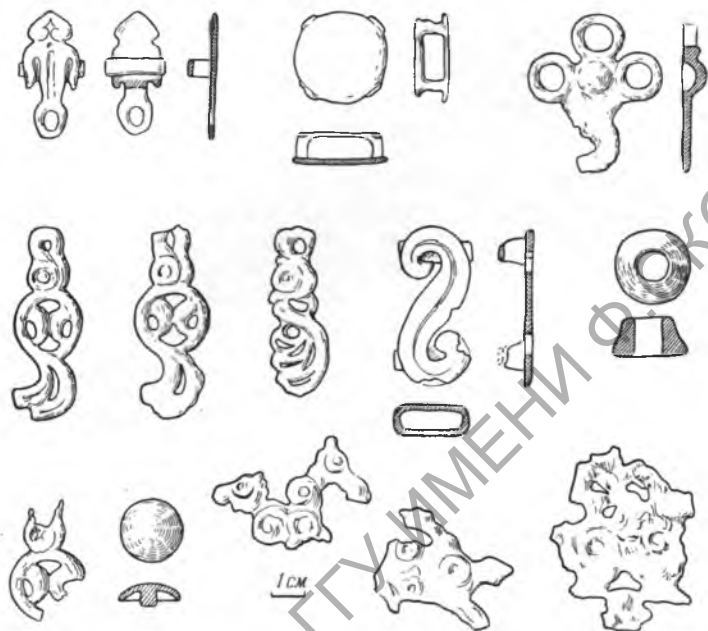

Рис. 8. Бронзовые украшения из могильника Акбеит

Иную картину дает могильник Акбеит.

В основном работах 1952 г. удалось установить, что собственно сакские могилы как правило, перекрыты на поверхности кромлехной выкладкой. В тех случаях, когда кромлех забит камнем и насыпь выступает как сплошной каменный панцирь, следует ожидать впускное погребение, обычно тюрского времени. Сходна ориентировка в обоих могильниках, и, пожалуй, только в этом их сходство, во всем остальном очень много различий. Даже в ориентировке при общем положении головой на восток — в Тамды покойники обращены на юг, к реке, тогда как в Акбеите поворот на юг не значит смотреть на реку.

Своеобразно труположение в могильнике Акбеит в сидячем положении в отличие от Тамды, где в основном покойники лежат в «утробном» положении.

В Акбеите почти нет бус. Преобладают различные типы орудий из железа. Характерно наличие деревянных и бронзовых щап у лица захороненного и малое количество керамики по сравнению с Тамды. Самым главным отличием являются стилистические и тематические особенности украшений.

Акбеитские украшения очень своеобразны. Им нет прямых аналогий на Тянь-Шане или в Южной Сибири. Наибольшее количество возможных аналогий, как мы указали, влекут прежде всего либо в Ордос, в крайнем случае в ордосо-забайкальский круг древностей, либо в Луристан. В последнем случае мы имеем в виду подвески из кургана № 4, на которых около центрального кольца располагаются изображения птиц (?) и головы дракона (см. рис. 8). Впрочем луристанская бронза более эксцентрична. Этот же тип подвесок известен из Ордоса, в памятниках которого можно найти прежде

всего аналогии в трактовке морд козлов, а особенно их рогов, изображенных на рукояти акинака из кургана № 3 (см. рис. 9). Подвески из кургана № 4 в условиях «скифского» искусства Причерноморья рассматриваются как начало «сарматизации», или, по выражению Минза, «дегенерации» скифского искусства¹. Однако этой «де-

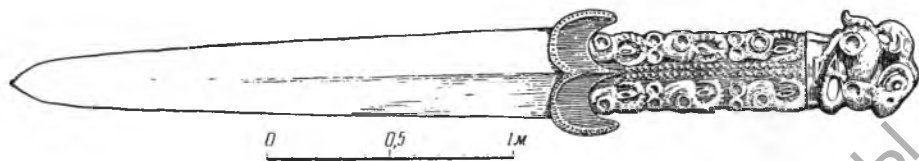

Рис. 9. Акинак из могильника Акбеит. Рукоять—бронза, клинок—железо.
Общая длина 35 см.

генерации» явно противоречит изображение козла в навершии акинака из кургана № 3, выполненного в традициях расцвета звериных изображений сакского времени.

Вообще акинак из третьего кургана в Акбеите—весьма противоречивое явление. В целом мотивы этой рукояти, ее общая композиция весьма приближают нашу находку к таким архаическими аналогиями, как акинаки Келермеса и Литой могилы VI в. до н. э. В качестве близкой аналогии можно указать на акинак из Острой могилы около Днепропетровска, того же времени. В конечном счете общие мотивы могут быть обнаружены и при сравнении с акинаком из Чертомлыцкого кургана, датируемым IV веком до н. э. Конструкция рукояти и размещение украшений, перекрестие в виде лунниц колеблются от VI до IV в. до н. э.

Одной из особенностей стилистических приемов отделки украшений Акбеита является «кольчатый» орнамент и волуэты. Почему-то повелось первый прием считать приметой относительно поздней датировки. Думаю, что это неправильно. Достаточно вспомнить трактовку лап пантеры из золота в комплексе находок из Келермеса. Эти же элементы могут быть отмечены и в других памятниках.

Аналогии отдельных сюжетов на памятниках, обнаруженных в Акбеите, восходят к более позднему времени, чем VI в. до н. э., и скорей оправдывают IV в., особенно учитывая широкое употребление железа. Однако и здесь некоторые аналогии восходят к древним образцам: так, например, клевец-топор из кургана № 3 идентичен находке в комплексе Мельгуновского клада.

Нет среди кинжалов и акинаков Акбеита тиличных скифо-сарматских наверший в виде полулунния или «антенновидных» по терминологии Гинтерса².

Подвески из четвертого кургана весьма характерны. Здесь явно проявляется вырождение реалистичности изображений, появляется ажурность в украшениях. Все это опять приближает нас к истокам «сарматского» направления в искусстве, т. е. опять сближает скорей с датой IV, а не VI в. до н. э.

Материала с Памира слишком еще мало для окончательных суждений, совершенно отсутствуют аналогии из ближайших сопредельных территорий, чтобы стать на почву строгих и категорических выводов. Поэтому мы и выдвигаем весьма широкую датировку — VI—IV вв. до н. э., надеясь со временем ее уточнить.

Привлекаемые нами аналогии для находок из Акбеита весьма широкого охвата: Ордос и Луристан. В этих аналогиях нет полных совпадений, за исключением деталей, а не целых комплексов. Все это, с учетом расового типа погребенных (средиземноморский, длинноголовый, как в Тамды), указывает, что очаг этой культуры, в отличие от могильника Тамды, лежал не в Южной Сибири или Средней Азии, а в других местах. Я полагаю, что центр акбеитских саков лежал на юго-востоке, т. е. в районе предгорий Восточного Туркестана и Тибета, вплоть до Северного Китая, т. е. Ордоса.

¹ E. M i n n s, The Art of the Northern Nomads, L., 1942, стр. 31.

² W. G i n t e r s, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, B., 1928.

Могильник Акбеит многим отличается от остальных памирских. Среди этих отличий отмечу положение покойника, голова которого всегда выше ног, покрытие покойника щитом, положение оружия сверх покрытия острием от покойного.

Юго-восточные и западные явления в культуре и расовом типе погребенных в Акбеите говорят о том, что памятники на этом участке Памира оставлены племенами другого, чем тамдынцы, происхождения.

*

Наступит время, когда археологи произведут раскопки на Памире в таком объеме, что можно будет всеоружий пересмотреть концепцию талантливого русского ученого Н. Аристова об этнических отношениях на Памире. Но и сейчас выявленные материалы дают возможность предложить вниманию научной общественности сведения, характеризующие разные хронологически и отличные в этническом отношении группы племен, которые в древности заселяли Памир.

Древнейшими памятниками Памира являются могильники Тамды и Акбеит. Первый мы датировали V—IV веками, второй VI—IV веками. Но дело не в малом различии дат. Дело в том, как мы указали выше, что эти два могильника ясно отражают две этнические волны, шедшие на Памир, в первом случае с северо-востока (Тамды), во втором — с юго-востока (Акбеит). И в том и другом случае нельзя отрицать передневносточных влияний, о чем говорит ярко выраженный средиземноморский расовый тип, явно пришедший с запада. Если учесть сердоликовые бусы, сверленные алмазом (Тамды), бронзовые чаши с омфалом, имеющие полные аналогии в Ашуре, то не останется сомнения в том, что юго-западные тенденции, т. е. то, что мы называем передневносточными влияниями, также (в качестве третьего компонента) имели место на Памире. Так намечаются уже три пути в сложении этнического облика Памира.

Об этом говорит и инвентарь и отчасти надмогильные сооружения, среди которых выделяются северо-восточные влияния (семиреченско-тяньшанский кромлех со всеми вариантами) и юго-восточные (прямоугольные с вариантами выкладки), явно идущие с Памира.

Античные авторы, плохо знавшие этот район и останавливающие свои информации на склонах горного хребта Имаус (Заадайский хребет), не знали подлинного Памира. Не знали его и ахемениды, однако, очевидно, правильно передав имя его обитателей, крайних восточных саков, именем сака-хаомоварга. Думаю, прав А. Германи¹, который считал, что в этом имени скрыто название «мург» — «птица», отмечающее недоступность восточных саков, как птиц гнездящихся в горах. Очевидно, как вслед за Г. Григорьевым предполагали исследователи, термин «мург», особенно в топонимике — «мургаб», в какой-то мере отражает районы продвижения саков-амюргиев.

Проникновение саков с Тянь-Шаня на Памир при возвышении племен усуней — факт широко известный. Напоминаю китайский текст: «Первоначально сия страна (т. е. страна усунь. — А. Б.) принадлежала народу сэ (саков. — А. Б.). Большой Юечжы на западе разбил и выгнал сэского владетеля (Сай-ван. — А. Б.). Сэский владетель перешел на юг за Висячий переход; Большой Юечжы удалился на запад и покорил Даха (Бактрию. — А. Б.); усуньский Гуньмо остался на его землях (т. е. саков. — А. Б.); посему-то между усуньцами находятся отрасли (чжун. — А. Б.) племен сэского и юечжыского»².

Этот текст весьма важен. Он свидетельствует о совместном расселении саков (сэ) и массагетов (даюечжи) на Тянь-Шане и преемственности усуней от саков.

В одной из своих работ мы пытались показать, что на Тянь-Шане сохранились следы сакских и массагетских племен³. Там же мы указывали на продвижение сакских

¹ A. H e r m a n n, Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike, Lpz, 1939.

² Н. Я. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М., 1950, ч. III, стр. 190 сл.

³ МИА, 26.

племен на юго-запад в Алай и, очевидно, через Сарыкол на Памир (Тамды). «Висячий переход» мы отождествляли с Лянгарским спуском (=перевалом?). Теперь мы ставим другой вопрос: чем объяснить своеобразие могильника Акбеит, столь отличного от Тамды, и можно ли видеть здесь следы юго-восточных влияний? Есть ли для этого основания в письменных источниках?

В Цяньханьшу сказано, что племена сийе (или юльэрек), жившие в районе восточного Притибетья, недалеко от Хотана, не принадлежат к племенам ху, «но ближе подходят к кянам (тибетцы) и ди (протоуйгуры) и составляют кочевое владение. Переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в воде и траве»¹. С ними смежно владение пули, или сэрлык, т. е. племена, находившиеся в соседстве с Яркентом, откуда они получали хлеб. Можно полагать, что соседи пули, племена сийе, находились даже к северу от Хотана. Следующие к северу племена инай (или ингасар) — уже соседи оазисов Кашгара и Яркента, т. е. расположены у восточных границ Памира, однако этнографически сходны с племенами цзыхэ, очевидно тибетского круга племен.

Еще более повышается интерес к следующим племенам — улэй (или арачул). Их владение «на юге смежно с Уто (Гиндукуш? — А. Б.), на севере с гуаньду (кумедами Алая! — А. Б.), на западе с Большим Юечжи (т. е. в области Дася — Бактрии! — А. Б.). Одеяние походит на усуньское (т. е. племен Тянь-Шаня — А. Б.), а обыкновения сходны с юльэрекскими (т. е. притибетских племен. — А. Б.)»².

Справедливо Н. Аристов считал, что арачул можно сравнить с топонимом долины и реки Аличур Памира, а вышеприведенные данные о локализации племен (на юге — Гиндукуш, на западе — Бактрия, на севере — Алай) также позволяют племена арачул-улэй помещать на Памире.

Повидимому, памирские племена улэй (арачул) входили в конфедерацию тибетских племен цзыхэ. Напомню, как говорит источник, что племена пули, инай, улэй одного племени с сийесцами, а инай «смежно» и одинаково в обычаях с цзыхэ³. Отсюда можно заключить, что памирские племена улэй тибетского происхождения. И здесь исследователь переходит в район племен другого этнического происхождения. Во-первых, об этом ясно говорит сообщение о Кашмире (Гибинь). Здесь прямо говорится: «Когда хунны разбили Большого Юечжи (во II в. до н. э. — А. Б.), то Большой Юечжи занял на западе государство Даха (Бактрию. — А. Б.), а сэкский владетель занял на юге государство Гибинь (Кашмир. — А. Б.). Сэские племена рассеянно живут, и более под зависимостью других (со II в. до н. э. — А. Б.). От Кашгара на северо-западе Хюсюнь [Сюсюнь] (Восточная Фергана. — А. Б.) и Гуаньду (кумеды Алая. — А. Б.) — суть потомки древних сэсцев»⁴.

Мы видели выше, что в районе Кашгара, который связан с Памиром через Ташкурган, был стик племен тибетского происхождения (племен инай) и сакского (хюсюнь и гуаньду). Вот здесь и скрещивались племена различного этнического происхождения, во времени саков заселявших Восточный Памир единой конфедерацией.

Притибетское происхождение племен сийе, пули, инай, улэй прямо указано письменными источниками. Для западных авторов они были, очевидно, составной частью саков хаомоварга.

Население Кашмира также сакского происхождения, т. е. тяньшанского и восточнотуркестанского. Эти племена не могли попасть с Тянь-Шаня в Кашмир, минуя восточные предгорья Припамирья. Но кроме них, в тесной связи с притибетскими племенами находились еще племена хюсюнь и гуаньду, т. е. фергано-алайские племена. Что же о них говорят источники? О хюсюнь сказано, что «обыкновения и одеяния сходны с усуньскими, хюсюньцы перекочевывают со своим скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Они составляют отрасль древних сэсцев» (саков)⁵.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

³ Там же.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 188.

Аналогично описание племен гуаньду. Они на севере смежны с усунями. «Одеяния жителей походят на усуньские. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде; держатся около Луковых гор (Памира.— А. Б.). Составляют отрасль сэсцев»¹.

Несколько раньше сказано, что хюсюнь находятся к западу от Цунлина (т. е. к северо-западу.— А. Б.), но, очевидно, недалеко, так как одновременно они близки и к району Кашгара. Следовательно, эти два племени, хюсюнь и гуаньду, в отличие от саков Кашмира, были расселены к северу от Памира. Сакские племена Тянь-Шаня (из области Усунь) частично перемешались во время своей миграции в районе Прикашгарья с тибетскими племенами, а частично остались самобытными. Вот этот процесс и породил две ветви, две этнические группы ранних насельников Памира, что археологически выражено в могильниках Тамды и Акбеит: с одной стороны, саки Тянь-Шаня, которые донесли на Памир южносибирские и семиреченско-тяньшаньские мотивы в культуре, сохранившиеся среди племен усунь, хюсюнь и гуаньду (Тамды), и с другой стороны — племена саков, культура которых смешивалась с культурой тибетско-китайских племен, представленная прежде всего могильником Акбеит. Помимо этих двух этнически весьма сложных групп, на Памире были отмечены поздние памятники тюрко-карлукского периода (Акбеит, Восточный Пшарт — тюркского времени — V—VIII вв.) и Тамды (явно карлукского периода — VIII—X вв. н. э.).

В могильниках Харгуш и Тамды мы выделили памятники III—I вв. до н. э., связанные с потомками племен древних саков, вроде племен хюсюнь, гуаньду или племен уш из долины Юйту². В характере этих памятников прослеживается этнографическое сходство с культурой племен усунь и отчетливо выявляется генеалогическое родство с саками.

Помимо этих основных типов памятников, которые увязываются с данными письменных источников, следует отметить те виды археологических памятников, раскопки которых не дают твердой опоры ни для дат, ни для этнической атрибуции. Однако на данном этапе наших знаний всего вероятнее предположить, что пустые выкладки, дольмены и прочие жертвенные места и кенотафы, имеющие абсолютно точные архитектурные аналогии в Тибете³, есть памятники именно тибетских племен, тем более, что расселение последних за пределами Тибета скорее всего локализуется на западе (по предгорьям) Восточного Туркестана и на Памире. Северней, т. е. на Тянь-Шане и в Алае, этому расселению мешал плотный массив племен саков.

Нам уже довелось отмечать своеобразие исторической топографии Восточного Памира. Несомненно, что наиболее обжитыми местами был юг Восточного Памира — долины рек Памира, Истыка, Аксу. Чем дальше к северу (уже от района Тохтамыш), тем более скуден инвентарь в могилах. Это были районы сезонного кочевания пастухов-скотоводов, и археолог здесь найдет бедные кладбища этих пастухов, притом рассеянные и немногочисленные.

Но и на юге ни могильник Тамды, ни более крупный (и самый крупный на Памире) Акбеит не убедит нас в том, что это памятники местной древней культуры. Это явно п р и ш е л ь ц ы, одни из тех, кто первым при помощи вьючного скота (лошадь, yak?) осмелился прийти в этот суровый и пустынный край.

Великолепные памятники искусства и культуры, характер сырья, центры добычи которого находились за пределами Памира (железо, глина, сердолик, гималайский кедр, северная граница которого — южные склоны Гиндукуша, бронза, морена), высокое совершенство изделий заставляет полагать, что наряду с семиреченско-тяньшаньским центром был еще более крупный — юго-восточный, царские кладбища которого следует искать от Кашгара до Хотана, с учетом областей Алтынтага, и от Лобнора до Ордоса.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 188 сл.

² Там же, стр. 190.

³ См. Р е р и х, Звериный стиль кочевников Тибета, Прага, 1930.

Этот вопрос не разрешают раскопки в Акбеите, но со всей определенностью его ставят.

И могильник Тамды и Акбеит говорят о том, что еще в пору VI—IV вв. до н. э., не говоря о III—I вв. до н. э., не утрачивались связи с Передним Востоком, во всяком случае в той его части, откуда расовый тип попал; с одной стороны, в Анау, с другой (позднее?) — на Памир.

В одной из своих последних работ об искусстве кочевников Северной Азии Минз писал, что южной границей общих элементов звериного стиля кочевников является линия, идущая от Ордоса через Тянь-Шань на запад.

Вспомнив Тянь-Шань, Минз ни слова не сказал о Памире. В вину ему это ставить нельзя. Это был 1942 г. Только с 1948 г. советские исследователи дали те объективные и неумолимые факты, которые ясно показали, что если Восточный Памир и не был очагом высокой былой культуры сакских племен, то во всяком случае был ее бережным хранителем. Могильники Тамды и Акбеит важны не только в этом плане, они важны и потому, что регистрируют реальные связи весьма удаленных областей и отмечают реальные передвижения в глубокой древности племен пастухов-скотоводов, для которых даже Памир не был преградой.

А. Н. Бернштам